

Гуманитарно-педагогические исследования. 2026. Т. 10. № 1. С. 46–56.
Humanitarian and pedagogical Research, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 46–56.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1.09"1920/1930"
DOI:10.18503/2658-3186-2026-10-1-46-56

Коды Будущего в русской советской прозе 1920–1930-х гг. (А. М. Горький «Жизнь Клима Самгина» и Л. Леонов «Дорога на Океан»)

Майя Леонидовна Бедрикова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия, mlbedrikova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-2555-8452>

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения утопического сознания в русской советской прозе первой трети прошлого столетия – на примере романа-эпопеи А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и романа Л. Леонова «Дорога на Океан». В статье автор анализирует на материале произведений 1920–1930-х гг., спрогнозировавших судьбу человечества в XX в., «коды Будущего» – символы, своеобразные скрытые атрибуты утопии, которые проявились в стиле «обобщенной алгебраичности» в далеком будущем в виде кодов мировой культуры. Актуальность темы связана с возросшим интересом отечественных литературоведов XXI в. к идеалам социалистической культуры, по-новому открывающимися сегодня в качестве литературных «векторов» Будущего или скрытых пророчеств о нем. Объективность наблюдений в данном исследовании определяет историко-литературный подход автора к текстам эпических произведений. Новизна исследования заключается в том, что автором статьи наряду с традиционными утопическими образами («благо», «всеобщее счастье») выявлены и проанализированы смыслы, воплощенные М. Горьким и Л. Леоновым в оригинальных образах «земного рая», способы кодирования писателями своих представлений о счастье человечества в далеком «золотом коммунистическом веке». Методология статьи опирается на сочетание типологического и семиотического методов исследования художественных текстов.

Ключевые слова: утопия, утопическое сознание, русская советская проза 1920–1930-х гг., А. М. Горький «Жизнь Клима Самгина», Л. Леонов «Дорога на Океан»

Для цитирования: Бедрикова М. Л. Коды Будущего в русской советской прозе 1920–1930-х гг. (А. М. Горький «Жизнь Клима Самгина» и Л. Леонов «Дорога на Океан») // Гуманитарно-педагогические исследования. 2026. Т. 10. № 1. С. 46–56, doi:10.18503/2658-3186-2026-10-1-46-56

LITERARY STUDIES

Original article

Codes of the Future in Russian Soviet Prose of the 1920s and 1930s ("The Life of Klim Samgin" by A. M. Gorky and "The Road to the Ocean" by L. Leonov)

Maya L. Bedrikova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, mlbedrikova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-2555-8452>

Abstract. The article is devoted to the issues of studying utopian consciousness in Russian Soviet prose of the first third of the last century: on the example of the epic novel "The Life of Klim Samgin" by A. M. Gorky and the novel "The Road to the Ocean" by L. Leonov. In the article, the author analyzes the codes of the Future in the works of the 1920s and 1930s, which predicted the fate of mankind in the 20th century and the distant future in the codes of world culture. The relevance of the topic is related to the increased interest of Russian literary critics of the 21st century in the ideals of socialist culture. The objectivity of the observations in this study determines the author's historical and literary approach to the texts of epic works. The novelty of the research: along with traditional utopian images ("good", "universal happiness"), the meanings embodied by M. Gorky and L. Leonov in the original images of "earthly paradise", the ways in which the writers encoded their ideas about the mankind happiness in the distant "golden communist age" are revealed and analyzed. The methodology of the article is a combination of typological and semiotic methods.

© Бедрикова М. Л., 2026.

Keywords: utopia, utopian consciousness, Russian Soviet prose of the 1920s and 1930s, A.M. Gorky "The Life of Klim Samgin", L. Leonov "The Road to the Ocean"

For citation: Bedrikova M. L. Codes of the Future in Russian Soviet Prose of the 1920s and 1930s ("The Life of Klim Samgin" by A. M. Gorky and "The Road to the Ocean" by L. Leonov), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 46–56. (In Russ.), doi:10.18503/2658-3186-2026-1-46-56.

Введение

В отечественном литературоведении рубежа XX–XXI вв. уже обсуждались проблемы авторской позиции в текстах произведений русской литературы 1920–1930-х гг. В той новой для них социалистической реальности писатели, поэты и драматурги нередко обращались к условности, иносказанию (например, М. Булгаков, Е. Шварц, О. Мандельштам). Подобное иносказание, «кодирование» отмечено, например, И. А. Макаровой и в произведениях М. Горького: «...Горький с 1925 года вынужден был прибегнуть к своеобразному методу «шифровки» в главном своем романе “Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)” (1925–1936). <...> Авторская позиция в тексте “Жизнь Клима Самгина” не выражена в виде нарратива. Она растворена в скрытых от прочтения мотивах, свободных от логики сюжета сценах, мелких деталях и т. д., на которых держится смысл» [1, с. 227]. Исследователем выявлены лейтмотивы: «слепоты», «выдуманности», «упрощения», «насекомых», «поумнения» [1, с. 227–228]. В утопическом дискурсе в качестве кода выступают символы самой утопии – солнце, синее небо, стеклянный / хрустальный дворец, сад др., то есть в мировой литературе разных эпох и народов образ будущего тоже дан в иносказании – всегда символически.

Теоретической основой данной статьи послужили изыскания ведущих леоноведов: Н. Грозновой [2], В. А. Ковалева [3]. Так, В. А. Ковалев выстроил типологию героев в произведениях Л. Леонова, охватив огромный материал (историко-литературный, публицистический, документальный); проследил преемственность наследия Л. Леонова русской литературе XIX в.: продолжение традиций Гоголя, Достоевского, Щедрина, Чехова. В судьбе Л. Леонова многое определила личная встреча с М. Горьким (1927). Именно Горький повлиял на становление личности будущего писателя. В своей речи «Венок Горькому» Леонов осмыслил итоги жизненного пути великого современника: «Именно Горький перекинул, как мост, идею литературного служения из девятнадцатого века в наш, двадцатый. Отсюда <...> метод активного писательского вмешательства в преобразующуюся отечественную экономику» [4, с. 510]. Новаторство М. Горького дано в сравнении с Чеховым: «То самое, на что по мечтательной чеховской прикидке отводилось добрых триста лет, Горький стремился осуществить если не завтра, то хотя бы на своем веку, и всю незаурядную творческую волю вкладывал в попытку всемерно приблизить Грядущее...» [4, с. 512].

М. М. Голубков размышляет о становлении нового эстетического сознания, знаком которого было «восприятие традиционной реалистической среды как макросреды, глобальных исторических процессов как фактора, мотивирующего характер»: «Историческое время стало в горьковском эпосе важнейшим фактором, воздействующим на характер, и взаимодействия с ним, то позитивного, то губительного, не смог избежать никто из его героев» [5, с. 141]. М. М. Голубков говорит о циклической концепции времени: «Время в бесконечном повторе, когда история еще как бы и не началась, дает весомые основания рассматривать соцреалистическую эстетику как проявление химерической культуры. Ее жизнеотрицающее мироощущение основывается на том, что прошлое оценивается лишь как предыстория, настоящее – как начало подлинной истории, знаменующее прыжок в будущее, к конечной цели исторического процесса – «золотому веку коммунизма» [5, с. 141].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили романы 1920–1930-х гг.: роман-эпопея А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» (автор определял жанр как повесть), и философский роман Л. Леонова «Дорога на Океан». Временной период здесь значим нам в качестве контекста – это новая социокультурная ситуация «перехода»: русское – советское. Для анализа выбрано несколько эпизодов этих масштабных произведений: во-первых, повествование о посещении Самгиным Всероссийской ярмарки в Нижнем Новгороде (1896 г.) из романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина» (Часть I) и, во-вторых, главы из романа Л. Леонова «Дорога на Океан» – «Мы проходим через войну», «Мы берем туда с собою Лизу».

Методом осмысления специфики утопического сознания явился историко-сравнительный ме-

год, который применяется для анализа утопизма в сознании нескольких поколений – в образах русских людей от 1860-х до 1900-х гг. рождения. Жизнь данных поколений отразилась в эпической литературе рубежа XIX–XX вв. и романах первой трети XX в.

Подходы к анализу следующие: 1) анализ «смыслов», воплощенных М. Горьким и Л. Леоновым в оригинальных образах «земного рая»; 2) анализ способов кодирования писателями своих представлений о счастье человечества в будущем «золотом коммунистическом веке». Методология статьи – сочетание историко-сравнительного, типологического и семиотического методов.

Обсуждение

Исследовательская литература о произведениях А. М. Горького «Жизнь Клим Самгина» и Л. Леонова «Дорога на Океан» огромна (литературоведческие статьи, монографии, в том числе и по теме «Горький и Леонов» [4, с. 88–90]). При всей разнице индивидуальных творческих методов, этих писателей объединяет следующее: критика современного капитализма, активная социальная позиция, приятие революционного пути России в XX в., признание его единственным способом движения в социалистическое будущее уже в настоящем времени. Проза Л. Леонова и его драматургия развивались в свете горьковских художественных открытий (история поколений – у Горького Артамоновы, у Леонова – Омеличевы («Дорога на Океан»). Писателям свойствен действенный гуманизм (противопоставленный прежнему – «абстрактному»), свойственному литературе XIX в.): в горниле трагических событий прошлого столетия рождалась новая социалистическая личность, формировалось представление о счастливом будущем человечества.

Дискуссионный характер теме исследования придает предмет изучения – коды культуры, используемые Горьким и Леоновым в изображении идеального будущего, явленного в настоящем и в прогнозе далекого будущего человечества (у Л. Леоновым в «Дороге на Океан»). Коды культуры переключают реалистическое повествование в нереальный план. Для советской прозы 1920–1930-х годов характерен созидательный пафос в изображении новой социалистической действительности, идеологическая «установка». Писатели прибегали к «коду» в текстах своих произведений в особых случаях.

В нашей статье «код» понимается как иносказание в широком смысле. Обратим внимание на способы передачи «голоса автора», авторской позиции в литературных произведениях. На уровне художественного приема: 1) слово, цитата, крылатое выражение; 2) деталь – наименьшая смысловая единица текста; 3) сюжетно-композиционные особенности, функция подтекста. Перечисленные приемы наиболее характерны для произведений М. Горького 1920–1936 гг.

В. В. Агеносов в монографии «Советский философский роман» (1989) (гл. «Философские романы Л. Леонова 20–30-х годов») глубоко анализирует проблему иносказаний в леоновском повествовании. В символическом изображении нового мира в главе 5 «Курилов и его спутники в жизни» («Дорога на Океан») исследователь обращает внимание на «образ звезды <...> воссоздавая второй, философский, этаж романа, переводя повествование во вселенский масштаб», «звезда – своего рода лейтмотив романа» [6, с. 85]. Более того, В. В. Агеносовым прослеживаются трансформации данного образа («желтая одинокая звезда», звезда с «добрым зеленоватым светом»). Однако подлинный смысл символа звезды раскрывается, по мнению автора монографии, в главе 43: «Лишь один раз назовет ее автор Вифлеемской. Но именно этот смысл рождения нового мира несет образ в романе» [6, с. 85]. Кроме библейской звезды, В. В. Агеносов отметил такие символы-коды, вводимые «с целью повышения философской емкости повествования», как *Измаил*, *Ева* («связаны с будущим», «уподобляются Адаму и Еве»), *Ной*, *голубь*. Образы Ноя и его голубя показаны величественно в главе «Мы проходим через войны», а в главах «Исторические опыты Алеши Пересыпкина», «Спирька проходит по Алёшиным страницам» их «звучание травестированное» [6, с. 85]. Автор монографии выделил в повествовании Л. Леонова идею *всемирности* происходящих событий. Напомним, что «Всемирность / Всеобщность» – это один из утопических концептов, в ряду таких, как: «Счастье / Благо», «Разум», «Мессия / Благодетель», «Избранный народ / Мы», «Государство / Царство Божие», «Справедливость / Равенство», «Труд», «Норма», «Музыка / Искусство» и др.» [7, с. 118]

Типология утопий в статье приводится по А. В. Хорунжему [8]. О будущем, идеальном общественном устройстве высказывают суждения герои из интеллигентного круга Самгина – в этом случае черты утопии носят в основном литературно-теоретический характер, однако в романе-эпопее Горький отражает также народное сознание, народный идеал, соответствующий переживаемому нацией периоду рубежа веков. Таким образом, «прогрессистская утопия» в духе времени дополняется

чертами «народной утопии» – «по уровню продуцирования» утопической модели [8, с. 39].

1. Коды изображения будущего в романе-эпопее А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: «библейский масштаб»

В финал первой части романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина» включены эпизоды путешествия главного героя в Нижний Новгород с посещением всероссийского и всемирно-исторического события – Ярмарки в Нижнем Новгороде, целью которой было продемонстрировать миру достижения технического прогресса Российской Империи ради процветания народов в будущем. «Всемирная слава и известность Нижнего Новгорода прежде всего как ярмарочного центра послужила причиной открытия здесь летом 1896 года 16-й Всероссийской выставки» [8, с. 36]. «Особую сказочность и экзотичность придавали выставке легкая пагодообразная крыша Китайского павильона, высокие минареты и купола Средне-Азиатского, а также необычные стеклянные крыши и стены Машинного и Главного павильонов» [9, с. 39]. Начиная с 1851 г., тема «выставки» (Великая выставка в Хрустальном дворце Англии) постоянно присутствует в литературе – в размышлениях писателей о Светлом будущем, демонстрации «божественных» возможностей человека.

В этой части эпопеи М. Горький представляет картины расцвета – высочайшего культурного, экономического развития России (далее в романе изображается период празднования 300-летия царствования Романовых в 1913 г.). Всемирное событие 1896 г., коим была великолепная торговая выставка в Нижнем Новгороде, «знаменитое торжище» показано через восприятие главного героя. В сознании Самгина, как в русском национальном сознании в целом, акцентируется идея выставки – продемонстрировать миру величие Российской Империи, могущество правящей династии Романовых, талант и трудолюбие подданных – русского народа и народов Империи. Уточним: торговые выставки в Нижнем Новгороде проводились с 1816 г. в течение 100 лет: «Подобно Ливерпулю, Гамбургу, Лондону, Парижу, Петербургу, Нижний Новгород в торговом отношении уже давно сделался всемирно-историческим пунктом» (из путеводителя 1896 г.) <...> Нижегородская ярмарка постепенно становится и сложным социально-экономическим организмом (товарооборот к 1881 г. достиг максимума – 246 млн руб. [9, с. 31]. Строительство комплекса ярмарки ради будущего процветания народов, призвано было показать высочайшие достижения Российской Империи в конце XIX в., по сравнению с предыдущими десятилетиями. Буквально в проекте Нижегородской ярмарки визуализировалась вера в прогресс, инженерно-технический гений человечества: для строительства торговых павильонов (более 200) использовались «достижения прогрессивной строительной техники на основе сборно-разборных конструкций» [9, с. 39].

Утопию Новгородского торжища иллюстрирует цитата из путевых впечатлений русского писателя В. А. Соллогуба в его повести «Тарантас» (1845): «Тут решается благоденствие народов, тут ключ наших русских сокровищ. Тут нестроят все племена, раздаются все наречия»; а по Волге «бесчисленное множество флагов (и мачт)», Азия и Европа строят свое благосостояние на этом «знаменитом торжище» (В. Соллогуб «Тарантас») [Цит. по: С. Шумилкин [9, с. 30]. Утопичность проекта акцентирована в ключевых словах: «благоденствие народов», «ключ наших русских сокровищ», «все племена», «все наречия». Масштабность ярмарки, особая спешка (ускоренное строительство объекта), краткосрочность события (ярмарка в определенный сезон каждого года) в современном понимании являются торговый комплекс, созданный инженерным гением, который, по замыслу «благодетелей», должен послужить счастьем всего человечества (территория «благоденствия народов», «бесчисленное множество флагов (и мачт)»), где сошлись экономические и политические интересы Европы, включая Российскую Империю, и Азии. Всемирность в идее выставок традиционна для утопического изображения технических достижений как признаков если не достижений, то приближения человечества к Счастливому Будущему [7, с. 118]. Многоязычие как отличительная черта Нижегородской ярмарки по ряду характеристик превосходящей Всемирную европейскую выставку.

Роман-эпопея написан в начале советской эпохи, а «выставочный тренд» сохранился в новой социокультурной ситуации, например, на Выставке достижений народного хозяйства: только всемирность была в свое время заменена на «всесоюзность» (статуи пятнадцати республик в центре ВДНХ); в качестве своеобразного мирового признания «достижимости мечты» – это место силы (ср.: в Англии это было еще и фактором, усиливающим британский колониализм под эгидой несения «племенам» великой идеи о Светлом Будущем). Обязательной была демонстрация технологического рывка, как свидетельства достижимости рая на земле, включение в структуру выставки множества свидетельств покорения Природы – энергии, деревьев, оранжерей и т.п.

Выставочный тренд в XIX–XX вв., с одной стороны, стал символом, с другой, – сам породил собственные утопические «коды», переходившие потом из произведения в произведение: использование гигантской конструкции (сборной и разборной, из стекла и металла/бетона); обязательно присутствует «соборность»/ «вавилонский синдром» / «синдром ковчега» – множество павильонов, – и не одного народа, но обязательно многих (независимо от географии конкретной выставки).

В анализируемых произведениях очевидна библейская символика «вавилонского столпотворения». В «Словаре символов» одно из переносных значений образа-символа *Вавилон* – уподобление Карфагену и противопоставление Небесному Иерусалиму и раю: «*Как сделался Вавилон ужасом между народами!*» [Иер., 51] [10, с. 17]. В книге Бытия пересказана история Вавилона – потомки Ноя в Шумере воплотили замысел башни «*высотой до небес*»: «*Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли...*» [Быт., 11: 9]. Этимологию корня *Babel* (евр.) и *Babilon* (греч.) трактует А. Азимов: от *Bab-ilu* (на вавилонском «ворота бога») [11, с. 80]. Ранее мы уже исследовали библейские образы «Вавилон», «вавилонская башня» в работе о романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [12].

В повествовании Горького можно говорить о визуализации мечты: высокая русская культура, красота покорила посетителей: «*Игрушки и машины, колокола и экипажи, работы ювелиров и рояли <...> изумительной красоты меха от Сорокоумовского и железо с Урала – пред этими грудами неисчислимых богатств собирались небольшие группы людей...*» [13, с. 504]. В отличие от проявлений колониального пафоса европейских выставок, в описании ярмарки 1896 г. колониальный дух не господствует, хотя в тщательном перечислении многих народов и народностей Горький не раз акцентирует гордость персонажей, идею великодержавия в их патриотическом сознании, выражая ее с помощью ключевых слов. Так, в поле смыслового восприятия национального праздника Самгиным есть оборот «*властвующей ими нации от Белого моря до Каспийского моря и Черного и от Гельсингфорса до Владивостока*» [13, с. 504].

В официальных периодических изданиях России, освещающих главное событие, транслировались такие смыслы, как «*благоденствие народов*», «*ключ наших русских сокровищ*», «*все племена*», «*все наречия*» [9, с. 30], а у Горького описание «земного рая» дополняются характерным утопическим смыслом о неисчислимости благ, райском изобилии: например, «*грудами неисчислимых богатств*» [13, с. 504]. Клим Иванович Самгин на протяжении всех дней выставки находился в особом состоянии «*умиления*», восхищения перед гением русского народа, который знал с детства и не знал доподлинно до встречи с народной культурой и русской красотой. Ярмарка произвела на героя неизгладимое впечатление, причем в нем соединились разные эмоции: «*Клим Самгин видел, что перед ним развернулась огромная, фантастически богатая страна, бытия которой он не подозревал <...> В этом соседстве богатства страны и бедности каких-то людишек её как будто был скрыт хвастливый намёк: “Живем плохо, а работаем – вот как хорошо!” Не так нарядно и хвастливо, но еще более убедительно кричала о богатстве страны ярмарка*» [13, с. 502].

Утопизм прослеживается в характеристике современной России как «*фантастически богатой страны*»: Горький строит повествование на фразеологической основе «*при использовании субститута башня*», задействовано значение: «*идеальные, оторванные от реальности мысли и мечты*» [14, с. 126].

Композиция финала 1-ой части романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина» организована по принципу нарастания эмоционального напряжения, восхищения наблюдателя, каким и является главный герой Клим Самгин. Горький ускоряет смену перипетий в повествовании, причем их ритм контрастирует с предыдущими картинками. Имеется в виду контраст, например, с предшествующим эпизодом, занимающим особое место, – исполнения перед публикой былины о Добрыне Никитиче «*олонецкой, кривобокой старухой*» – выдающейся народной сказительницей Ориной Федосовой.

В утопическом свете у Горького в сцене ее пения подчеркивается былинное прошлое Руси, и в этот момент Самгин вдруг осознает: это есть «*подлинная история правды и правды зла*» [13, с. 511]. Об Орине Федосовой повествуется в размеренном ритме эпических сказаний (подобно гомеровским поэмам и русскому былинному эпосу). Далее, начиная с эпизода приезда Николая II на выставку, Горький меняет «фокус зрения» наблюдателя. В эпизоде встречи царя с народом (публикой ярмарки) Клим Самгин практически не успевает рефлексировать. Это происходит потому, что герой попадает в толпу. Индивидуализм Самгина отступает, когда он оказывается среди верноподданных, плечом к плечу с народом, почитающим своего государя: «*Самгину казалось, что воздух темнеет, сжимаемый мощным воем тысяч людей, – воем, который приближался как невидимая глазу туча, стирая все звуки <...> Когда этот вой и рёв накатился на Клима, он оглушил его, приподнял вверх и тоже заставил орать во всю силу лёгких: – Ура!*» [13, с. 515]. Неожиданно с помощью подтекста автор

резко снижает высокий смысл происходящего: оказывается, что специально для чествования царя подобраны русские молодцы, с умными и добрыми лицами (проговаривается один приглашенный на выставку – «танцор и певец из хора Сниткина», «стройный красавец в желтой, шелковой рубахе: «Рабочих, мастеровичину показывать не будут. Эта выставка не для их брата. Ежели мастеровой не за работой, так он – пьяный, а царю пьяных показывать не к чему») [13, с. 514]. «Глаза Клима, жадно поглотив царя, всё еще видели его серую фигуру и на красивеньком лице – виноватую улыбку<...> А теперь вслед царю и затихавшему вдали крику Клим плакал слезами печали и обиды» [13, с. 516]. Психологическое напряжение Самгина, состояние восторга и умиления спадает после встречи Николая II и услышанных в толпе реплик: «О царе не говорили, только одну фразу поймал Самгин: – Трудно ему будет с нами <...> А что, если все эти люди тоже чувствуют себя обманутыми и лишь искусно скрывают это? – подумал Клим. Остроглазый человек заглянул в лицо его и недоверчиво спросил: – Чего же вы плачете, молодой барин? Какая же у вас причина сегодня плакать?» [13, с. 517]. Читатель замечает здесь зашифрованный в подтексте код – «народный код» будущего «советского рая»: встреча с Благодетелем – радостный момент и важный утопический «народный код» Будущего – из русского фольклора, где сохранилась вера в доброго царя. «Народный код» Будущего исторически трансформируется в образ «советского рая», который наступит позже.

Горький воспроизводит диалог Самгина и Инокова, в котором читается «библейский масштаб» увиденного:

– Знаете, на кого царь похож? – спросил Иноков. Клим безмолвно взглянул в лицо его, ожидая грубости. Но Иноков сказал: – На Бальзамина, одетого офицером.

– Исаак, – пробормотал Клим громче и с досадой, которую не мог сдержать.

– Ах, да, это из Библии, – вспомнил Иноков. – Ну, а кто тогда Авраам?

– Не знаю [13, с. 520].

По ассоциации с Божьей карой для «вавилонской блудницы», кара историческая последовала не с небес, а по причинам политическим. История свидетельствует, что последний раз ярмарка открылась в 1929 г., но закрытие «ярмарки в 1930 году произошло не в результате её внутреннего упадка, самоугасания, она стала жертвой одной из крупных идеологических репрессий, последней акцией ликвидации нэпа, наряду с раскулачиванием, коллективизацией» [9, с. 39]. Подчеркнем значимость ключевого слова «жертва» в используемом нами историческом источнике и в тексте «Жизнь Клим Самгина» (Ч.2). Следует согласиться с концепцией Е. Р. Матевосян о мотиве жертвы – доминирующем библейском сюжете жертвоприношения Авраама, составившем философский символ российской истории в романе-эпопеи «Жизни Клим Самгина» [15]. Таким образом, обозначение жертвы тоже следует расценивать как код утопии, неотделимый атрибут «земного рая». Главный герой рассматривает происходящие события в свете общей национальной судьбы и судьбы русской интеллигенции, к которой сам себя относит с рождения. Именно Самгин постоянно сравнивает происходящее с неостановимым движением, которому не в силах противостоять ни он, ни его современники: сквозь смысл известной с детства старозаветной священной истории о жертве Авраама Клим Иванович анализирует, «просвечивает» происходящее с ним, «не хочет быть Исааком», которого приносят в жертву Истории.

2. Коды будущего в романе Л. Леонова «Дорога на Океан»

Утопические построения занимают особое место в сюжетно-композиционной организации философского романа «Дорога на Океан» (1935). Утопия в этом романе – коммунистическая по способу полагания идеала, по его социокультурному наполнению – технократическая, по шкале исторического времени – прогрессистская, по типу «идеальной жизни» – утопия эволюции.

Проблематика произведения масштабна, обусловлена новыми социокультурными реалиями 1920–1930-х гг., по В.А. Ковалёву: «историческая перспектива, завтрашний день человечества, конфликты нового, растущего со старым; жизнеутверждающая философия против паразитической философии скептиков и пессимистов, проблема стимулов жизнедеятельности человека в новом обществе, труд как условие творческой жизни и счастья» [9, с. 85].

Главная сюжетная линия – линия судьбы главного героя Алексея Курилова. Именно Алексей Никитич Курилов, обладающий значительным жизненным опытом, собственной точкой зрения на происходящие события в мире, революцию в России, на судьбу интеллигенции после 1917 г., остро ощущает критическую ситуацию противостояния миров (капиталистического и социалистического). Он принимает жизненные трудности как испытания, выпавшие на долю его поколения и последую-

щим поколениям на общем пути к прекрасному Будущему. Утопический идеал прекрасного коммунистического «завтра» дает силы герою Л. Леонова шагать по жизни и решать серьезные практические задачи, помогать окружающим людям понять смысл «настоящего» героического времени. Истоки футурологических построений автора, полагаем, стоит искать в трактатах и художественных произведениях русских космистов. Например, в рассказе А. Богданова «Праздник бессмертия» (1914) коммунистическая утопия описана на первой же странице: «*Благодаря лёгкости и общедоступности воздушного сообщения люди не стеснялись расстоянием и расселились по Земле в роскошных виллах, утопающих в зелени и цветах. Спектротелефон каждой виллы соединял квартиры с театрами, газетными бюро и общественными учреждениями...*» [16, с. 320]. По Л. Леонову, в далеком будущем человечество обретет если не бессмертия в прямом смысле (А. Богданов «Праздник бессмертия»), то, по крайней мере, возможность реализовать вековые мечты о физическом здоровье, вечной юности и впечатляющем долголетии, проповедуя культ молодости духа.

Футурологические концепции автора прочитываются в контексте дискуссий персонажей – современников Алексея Курилова, т.е. в их размышлениях и диалогах о социализме в настоящем времени; глубоком смысле жертвенного отказа советских людей от «излишеств», мещанской «сытости», исключительно материальных стимулов в частной жизни во имя счастья будущих поколений – строителей коммунизма. В будущем человечество достигнет абсолютного процветания, счастье станет возможно для каждого человека благодаря высочайшим технологиям и, самое главное, благодаря высокой нравственности в основе жизни людей на Земле. В полифоническом сюжете философского романа Л. Леонова, наряду с линиями десятков судеб героев из 1920–1930-х, встречаются и вымышленные персонажи из далекого мира Будущего. Л. Леонов доверяет повествование Курилову и его другу-литератору, утопизм которых проявляется в «кодах» мышления: «всемирность» соседствует с планетарным мышлением в построении образа Будущего – планеты, которая именуется Океаном. Описано мысленное путешествие с литератором на Океан «*начподора*» Курилова (начальник по железным дорогам), человека сурового, но в душе сохранившего детскую мечтательность и живую страсть к познанию (глава «Он едет на Океан»). Курилов хранит юность души, а это общая черта нескольких поколений советских людей в новую эпоху созидания социализма. Добавим также: «*...Богатство духовного мира, “мечтательство”, силу провидения, любовь к человеку, оптимизм, героичность*» [9, с. 85]. Упоминание о юных строителях Будущего значимо, поэтому образ ребенка – тоже это код утопии.

Повествователь-путешественник мысленно обозревает утопические пейзажи планеты Океан (литератор может в воображении путешествовать на Океан и без Алексея Никитича). «Глаз» повествователя наблюдает картины Рая в главе «Мы проходим через войну», где ключевыми кодами являются: «дерево» (мировое древо), «бесконечное пространство», «обетованное утро» (утро на земле обетованной): «*Оставаясь наедине, я размышлял о дальнейшем; Океан представлялся мне бесконечным пространством, утонувшим в розовой мгле. (Так начинается в мечте всякое обетованное утро!) Дерево стояло на переднем плане; его длинная горизонтальная ветвь с блистающими листьями заслоняла от меня подробности*» [17, с. 263]. Обычно в утопиях не разъясняются тонкости, читатель в воображении достраивает то, что транслирует автор в сочинении, навеянном грезами. «Недосказанность» в словах повествователя является для Л. Леонова одним из значимых приемов обозначения Будущего: «*Мне нравился этот недосказанный пейзаж, потому что это избавляло меня от необходимости расширить рамки повествования, и еще оттого, что никто не знает, какие события скрыты за этой призрачной и радужною скорлупой. Будущее! <...> Оно еще движется по ветру, растворено в воде, зарыто в недрах: оно еще не соединилось в кристаллы. <...> И кто скажет, как распорядится ими история!*» [17, с. 263].

В центре развернутой метафоры лежит символ «яйцо», который выступает в качестве образа целостности и вмещает в себя возможности развития универсума. Оно «сравнивается с утробой, в которой содержатся семена созидания, из которой появились все существа» [10, с. 219]. Очень точно смыслы в ожидании рождения будущего мира, транслируемые Л. Леоновым в «Дороге на Океан», передает, на наш взгляд, иллюстрация к приведенной словарной статье В. В. Адамчика о символе «Яйцо» – известная картина Сальвадора Дали «Геополитик, наблюдающий рождение нового человека» (1943) [10, с. 218]. Мы не ставим целью пересказывать плотное, чрезвычайно насыщенное знаками и смыслами, но в содержании главы «Мы проходим через войну» повествуется о геополитических конфликтах в будущем, когда планета Океан стала «ареной мировой деятельности народов» [17, с. 114]. Полотно С. Дали передает идею рождения нового мира, до поры скрытого «призрачной и радужною скорлупой». Будущее зиждется на опыте миллионов жизней предшествующих поколений

человечества! А слово *война*, вынесенное в заглавие «Мы проходим через войну», выступает как неодолимый фактор, грозное явление на протяжении всего существования человеческой цивилизации. Л. Леонов говорит о войне как неизбежном моменте в преодолении политических распрей; о победе людей над «душевной чернотой» и как ступени для обретения будущего Рая.

Утопия Океан в романе Л. Леонова ориентирована, как и многие другие утопии, на утопию Платона, воспевающую величие труда ремесленников, воинов и мудрецов. В главе «Мы берем туда с собою Лизу» Л. Леонов пишет: «*Пешком мы обходили пространства преображенной планеты <...> Иногда, без сговора, мы останавливались, брали в горсть эту тучную землю и подолгу, затуманенными глазами смотрели на её крупинки. Не мог не отпечататься на ней соединенный подвиг моих современников – землекопов, проектировщиков, вождей!...*» [17, с. 370]. Упоминание «тучной земли» – мечты земледельцев, а также указание на сословия, профессии (*землекопы, проектировщики, вожди*) – все это утопические черты и одновременно коды изображения Будущего в произведении «Дорога на Океан». Кульминацией главы можно считать развернутый эпизод с визуализацией утопии коммунизма. Речь идет об изображении «самого великолепного места на Океане» – «двугорбого холма Единства с гигантским фонтаном на его второй вершине, так называемом деревом воды» [17, с. 370]. Повторяется уже отмеченный нами древнейший символ – «дерево» (мировое дерево).

В технократической утопии Л. Леонов пишет об «улучшении самой человеческой природы»: «*...В воздухе новейшего времени не носилось бактерий лжи. <...> «Здесь было достигнуто естественное состояние человека – быть свободным, тешишься производением рук своих и мысли, не быть эксплуатируемым никем»* [17, с. 371]. Путешественники во времени становятся свидетелями чествования гражданами Океана «первого человека, совершившего межпланетное плавание» [17, с. 371]. Путешественники осознавали, что переживают особенный момент: на экранах «главного зала Центральной обсерватории» возникло изображение: «*Мелькание ускорилось, сияние звезд явственной обозначилось во тьме <...> Но мы не покидали земли, и оттого верилось, что сама вселенная ринулась на нас, окаменевших свидетелей её тайны. Поистине то был прыжок через время»* [17, с. 373]. Современный читатель соотнесет вымышленный факт в данном сюжете утопии с реальным величайшим событием на Земле – полетом Юрия Гагарина в космос, но время создания романа «Дорога на Океан» – 1933–1935 гг. и в этом образе тоже реализованы свершившиеся пророчества Леонова. Обратим внимание на использование слов: Л. Леонов пишет о космическом аппарате как о «корабле» под названием «Океан 1», который, возвращаясь, должен приводниться. Это объяснимо: утопия Будущего на планете Океан – это мир воды. Для нас сочетание *космический корабль* является привычным.

Заключение

В статье мы обратились к проблеме изображения будущего в произведениях русской советской прозы 1920–1930-х гг. на материале романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клим Самгина (Сорок лет)» и философского романа Л. Леонова «Дорога на Океан», в которых писатели прогнозировали судьбу человечества в XX в. в далеком будущем.

Анализ текстов, включающих элементы утопии, представленной в кодах мировой художественной культуры, позволил сделать следующие выводы.

1. М. Горький и Л. Леонов использовали коды культуры в изображении идеального будущего, явленного в настоящем, в оригинальных утопических описаниях-прогнозах будущего человечества. Авторский голос в произведениях не звучит открыто. Позиция автора проявляется:

а) в ключевых словах, крылатых выражениях;

б) в авторском акценте на определенной детали, наделении её «смыслом»: деталь, повторяясь в тексте художественного целого, нередко преобразуется в самостоятельный мотив, лейтмотив, придавая повествованию «библейский масштаб»;

в) в сложной композиционной организации обоих произведений («Жизнь Клим Самгина (Сорок лет)» – роман-эпопея в четырех частях (четвертая часть не завершена) [18]; «Дорога на Океан» – философский роман, состоящий из 56 глав и послесловия). Важна последовательность значимых сцен (сцена-пейзаж, сцена-панорама, «сцена-диалог» и др.) – в сценах раскрываются «смыслы», прежде всего, авторская точка зрения на предмет дискуссии.

2. Фразеологическая единица «Вавилонская башня» в тексте романа «Жизнь Клим Самгина» использована М. Горьким в качестве «кода-основы» для трансляции точки зрения автора. «Знаменитое торжище» в Нижнем Новгороде 1896 г., великолепная торговая выставка показана через вос-

приятие главного героя как Всемирное событие, а, как уже упоминалось, концепт «Всемирность / Всеобщность» является ключевым для утопий. Кодом утопии XIX–XX вв. является отраженная в романе и присутствовавшая в русском национальном сознании (в сознании Самгина) идея визуализировать, продемонстрировать миру величие Российской Империи, могущество династии Романовых во веки веков, талант и трудолюбие подданных, русского народа и народов Империи. Кодирование этих смыслов с помощью таких оборотов, как «*благоденствие народов*», «*ключ наших русских сокровищ*», «*все племена*», «*все наречия*», «*груды неисчислимых богатств*», создает описанию выставки утопический контекст романе М. Горького и транслирует идею о достижимости Блага и «земного рая» для всех народов.

3. Акцент Горького на скорости строительства Нижегородской ярмарки и выставки, обозначение особой важности объекта, ограниченность события во времени и его величие вызывают ассоциации с библейским сооружением – Вавилонской башней, хотя в современном понимании здание «выставочного рая» напоминает огромный торговый комплекс, возведенный гениальным инженером по замыслу «благодетелей». Нижегородское чудо тоже должно было послужить счастью всего человечества.

5. Утопия в «Жизни Клима Самгина» носит в основном литературно-теоретический характер, однако в романе-эпопее М. Горькому удается раскрыть народный утопический идеал. То есть «прогрессистская утопия» в духе рубежа XIX–XX вв. дополняется чертами «народной утопии» – «по уровню продуцирования».

6. Утопические представления в романе Л. Леонова «Дорога на Океан» прочитываются в диалогах о социализме, золотом коммунистическом будущем персонажей из окружения главного героя – Алексея Никитича Курилова.

7. В «Дороге на Океан» представлена утопия коммунистическая (по способу полагания идеала), технократическая (по социокультурному наполнению), прогрессистская (по шкале исторического времени) и это утопия эволюции (по типу «идеальной жизни»). Для Л. Леонова, в далеком будущем человечество если не обретет бессмертие как таковое, то непременно воплотит в жизнь вековечные мечты людей о вечной юности, долголетьи, поэтому на воображаемой планете Океан господствует культ молодости духа.

Список источников

1. Макарова И. А. Социалистический реализм // Альфонсов В. Н., Васильев В. Е., Кобринский А. А. и др. Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы : учеб. для студ. высш. уч. заведений / науч. ред. С. И. Тимина. М. : Logos, 2002. С. 221–237.
2. Грознова Н. А. Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы. Очерки. Л. : Наука, Ленинград. отделение, 1982. 310 с.
3. Ковалёв В. А. Леонид Леонов: Семинарий : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз и лит.». М. : Просвещение, 1982. 192 с.
4. Леонов Л. Венок А. М. Горькому // Леонид Леонов. Публицистика: авторский сборник. М. : Современник, 1987, С. 508–525
5. Голубков М. М. Русская литература XX в.: После раскола: учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. – 267 с.
6. Агеносов В. В. Советский философский роман. М.: Прометей, 1989. 466 с.
7. Андреева С. Л., Бедрикова М. Л. Жанровые признаки антиутопии в повести Ю. Давыдова «Африканский вариант» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 113–135.
8. Хорунжий А. В. «Идеальный строй жизни»: идеальная утопия К. Э. Циолковского // Утопические проекты в истории культуры: мат-лы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса / отв. ред. Т. С. Паниотова; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 36–39.
9. Шумилкин С. Нижегородская ярмарка // Наше наследие. 1990. IV (16). С. 30–39.
10. Адамчик М. В. (сост.). Словарь символов. Минск : Харвест, 2010. 224 с.
11. Азимов А. Путеводитель по Библии. Ветхий Завет / пер. с англ. О.А. Блейз (гл. I– II), С. П. Евтушенко (г. 12–39). М. : Изд-во Центрполиграф, 2013. 639 с.
12. Зайцева Т. Б., Бедрикова М. Л., Хабиров К. А. Метаморфозы библейских образов в романе-эпопее М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (Вавилон и Вавилонская башня) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory&Practice. 2024. Т. 17. Вып. 12. С. 4747–4753.
13. Горький М. Собр. соч. в 16 тт. / сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. М. : Изд-во «Правда», 1979. Т. 11: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): Повесть. Часть первая. 574 с.

14. Андреева С. Л. Судьба оборота «хрустальный дворец»: методика прогнозирования и интерпретации фразеологических трансформаций: монография / под ред. А. А. Осиповой. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2016. 183 с.
15. Матевосян Е. Р. «Жертвоприношение Авраама» как философский символ российской истории в «Жизни Клима Самгина» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова и др. СПб. : РХГА, 2018. С. 729–738.
16. Богданов А. Праздник бессмертия // Гройс Борис. Русский космизм. Антология. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 320–333.
17. Леонов Л. М. Дорога на Океан : роман // Собр. соч.: в 10 тт. Т. 6. М. : Худож. лит., 1983. С. 5–510.
18. Бедрикова М. Л. Повествование М. Горького «Жизнь Клима Самгина: режим чтения» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4 (3), no. 3. С. 45–54.

References

1. Makarova I. A. Sotsialisticheskii realism [Socialist realism], Al'fonsov V. N., Vasil'ev V. E., Kobrinskii A. A. i dr. *Russkaya literatura XX veka: shkoly, napravleniya, metody tvorcheskoi raboty = Russian literature of the XX century: schools, directions, methods of creative work*, ucheb. dlya stud. vyssh. uch. zavedenii, S. I. Timina(ed.), Moscow, Logos, 2002, pp. 221–237. (In Russ.).
2. Groznova N. A. *Tvorchestvo Leonida Leonova i traditsii russkoi klassicheskoi literatury. Ocherki* [Leonid Leonov's creative work and the traditions of Russian classical literature. The Essays]. Leningrad, Nauka, Leningrad. otdelenie, 1982, 310 p. (In Russ.).
3. Kovalev V. A. *Leonid Leonov: Seminarii = Leonid Leonov: Seminars*, ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. no 2101 "Rus. yaz i lit.", Moscow, Prosveshchenie, 1982, 192 p. (In Russ.).
4. Leonov L. Venok A. M. Gor'komu [A wreath for A. M. Gorky], in *Leonid Leonov. Publitsistika: avtorskii sbornik = Leonid Leonov. Journalism: an author's collection*, Moscow, Sovremennik, 1987, pp. 508–525. (In Russ.).
5. Golubkov M. M. *Russkaya literatura KHKH v.: Posle raskola* [Russian Literature of the twentieth Century: After the Split]: ucheb. posobie dlya vuzov, Moscow, Aspekt Press, 2001, 267 p. (In Russ.).
6. Agenosov V. V. *Sovetskii filosofskii roman* [The Soviet Philosophical Novel], Moscow, Prometei, 1989, 466 p. (In Russ.).
7. Andreeva S. L., Bedrikova M. L. Zhanrovye priznaki antiutopii v povesti Yu. Davydova "Afrikanskii variant" [Genre features of dystopia in Yuri Davydov's "Afrikanskiy variant"], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya=Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 49, pp. 113–135. (In Russ.).
8. Khorunzhii A. V. "Ideal'nyi stroi zhizni": ideal'naya utopiya K. Eh. Tsiolkovskogo ["Ideal Order of Life": the Social Utopia of Konstantin Tsiolkovsky], in *Utopicheskie proekty v istorii kul'tury* [Utopian Projects in the History of Culture]: mat-ly II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. "Utopicheskie proekty v istorii kul'tury" na temu "Gorod Solntsa": v poiskakh ideal'nogo lokusa", ed. T. S. Paniotova, Rostov-na-Donu, Taganrog, Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2019, pp. 36–39. (In Russ.).
9. Shumilkin S. Nizhegorodskaya yarmarka [Nizhny Novgorod Fair], *Nashe nasledie=Our legacy*, 1990, vol. 4 (16), pp. 30–39. (In Russ.).
10. Adamchik M. V. (comp.). *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols], Minsk, Kharvest, 2010, 224 p. (In Russ.).
11. Azimov A. *Putevoditel' po Biblii. Vetkhii Zavet* [A guide to the Bible. The Old Testament], O. A. Bleiz, (gl. I–II), S. P. Evtushenko (g. 12–39) (Transl. from English), Moscow, Izd-vo Tsentrpoligraf, 2013, 639 p. (In Russ.).
12. Zaitseva T. B., Bedrikova M. L., Khabirov K. A. Metamorfozy bibleiskikh obrazov v romane-ehpopee M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina" (Vavilon i Vavilonskaya bashnya) [Metamorphoses of Biblical Images in M. Gorky's Epic Novel "The Life of Klim Samgin" (Babylon and the Tower of Babel)], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Philology. Theory & Practice = Philology. Theory & Practice*, 2024, t. 17, vol. 12, pp. 4747–4753. (In Russ.).
13. *Gor'kii M.* [Gorky M.], Collected works v 16 tt., N. N. Zhegalova (ed.), Moscow, Izd-vo «Pravda», 1979, T. 11: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let), Povest'. Chast' pervaya. 574 p. (In Russ.).
14. Andreeva S. L. *Sud'ba oborota «khrustal'nyi dvorets»: metodika prognozirovaniya i interpretatsii frazeologicheskikh transformatsii* [The Fate of the Crystal Palace: a Method of Forecasting and Interpreting Phraseological Transformations]: monografiya, A. A. Osipova (ed.), Magnitogorsk, Magnitogorskii Dom pechati, 2016, 183 p. (In Russ.).
15. Matevosyan E. R. "Zhertvoprinoshenie Avraama" kak filosofskii simvol rossiiskoi istorii v "Zhizni Klima Samgina" ["The Sacrifice of Abraham" as a Philosophical Symbol of Russian History in The Life of Klim Samgin], in *Maksim Gor'kii : pro et contra, antologiya. Sovremennyyi diskurs* [Maxim Gorky: pro et contra, an anthology. Modern discourse], O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova and others (comps.), Saint-Petersburg, RKHGA, 2018, pp. 729–738. (In Russ.).
16. Bogdanov A. Prazdnik bessmertiya [The Feast of immortality], in *Grois Boris. Russkii kosmizm. Antologiya = Russian cosmism. An anthology*, Moscow, Ad Marginem Press, 2015, pp. 320–333. (In Russ.).
17. Leonov L. M. *Doroga na Okean* [The road to the Ocean]: roman, Collected works v 10 tt., t. 6, Moscow,

Khudozh. lit., 1983, pp. 5–510.

18. Bedrikova M. L. Povestvovanie M. Gor'kogo “Zhizn' Klima Samgina: rezhim chteniya” [The story by M. Gorky “The Life of Klim Samghin”: the reading mode], *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2020, vol. 4, no. 3, pp.45–54. (In Russ.).

Информация об авторе

Бедрикова М. Л. – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Bedrikova M. L., Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor at Linguistics and Literary Studies Department, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026;
принята к публикации 09.03.2026.*

*The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026;
accepted for publication 09.03.2026.*
